

Ранняя осень на горе Юньшань: леса окрасились в первые яркие цвета, а утренний туман окутал склоны, словно тонкая вуаль.

Внутри загородной усадьбы утренний свет косо падал в комнату сквозь резные деревянные рамы окон. Гу Чживей стояла посреди комнаты на кирпичном полу, в последний раз внимательно проверяя дорожный багаж Се Линьи.

Крышка сандалового сундука была откинута. Внутри аккуратными стопками лежали переливающиеся ткани: шелк юэло цвета спелой вишни, сычуаньская парча цвета индиго, улинский атлас оттенка лотоса, а также несколько отрезов недавно окрашенной ткани с узором из жемчужных кругов — каждый кусочек был выглажен так тщательно, что на нем не было ни единой складки.

Гу Чживей достала отрез алой парчи с цветочным узором, встряхнула его и приложила к плечам Се Линьи.

— Наша Цзяоцзяо выросла такой красавицей, ей к лицу любой наряд.

Гу Чживей вздохнула:

— В Шанцзине люди очень тщеславны, нельзя позволить им смотреть на тебя свысока.

Сердце Се Линьи сжалось от нежности. Она шагнула вперед, взяла прохладную руку бабушки и прижала к своей горячей щеке. На ладони бабушки были тонкие мозоли — след от многолетней работы с кистью и труда в поле вместе с крестьянами. Но сейчас это прикосновение успокаивало её больше, чем самый дорогой шелк.

— Бабушка, не стоило тратить столько сил на эти наряды. Как только дела в столице закончатся, Цзяоцзяо сразу вернется, чтобы проводить с вами каждый день. Я еще хочу отведать ваших засахаренных цветов османтуса и послушать истории о временах прежнего императора.

Гу Чживей рассмеялась сквозь слезы и легонько ткнула внучку пальцем в лоб:

— Глупышка, я уже стара, разве могу я привязывать тебя к себе всю жизнь? Или ты боишься, что мой вкус устарел и одежда получится немодной?

Она помолчала, и в её глазах внезапно мелькнул озорной огонек:

— Хм, вспомни, когда я сама была в столице, знатные дамы всего города пытались разузнать, что я ношу и как украшаю прическу. На Праздник фонарей в шестой год правления Юншэн я надела платье из небесно-голубого облачного парчового шелка и украсила прическу заколкой с зимородком — на следующий день в столичных лавках весь такой шелк раскупили до

последнего отреза. Одежда, которую сшила тебе бабушка, точно не заставит тебя краснеть.

Се Линъи улыбнулась. Даже спустя столько лет уединенной жизни на горе Юньшань, в осанке и манерах бабушки всё еще угадывалась та самая прославленная женщина-ученый, чье имя когда-то гремело на всю столицу.

Гу Чживей взяла внучку за руку и усадила на стул из желтого палисандра у окна. Её лицо стало строгим и сосредоточенным.

— Возьми.

Как только нефритовая подвеска оказалась в ладони, Се Линъи почувствовала необычайное тепло. Это был лучший хотанский нефрит, гладкий и безупречный, вырезанный в форме полураспустившегося цветка камелии.

— Это... — Се Линъи подняла взгляд на бабушку.

— В столице есть лавка цветов под названием Иньфанчжай, она в конце переулка Юйлинь на Восточном рынке, — голос Гу Чживей стал совсем тихим. — Управляющую зовут Шэнь Хуэйсинь, это моя давняя доверенная особа. Когда в те годы всё случилось, она не успела уйти со мной на гору Юньшань. Возьми эту подвеску и найди её. Если нужно будет разузнать что-то или передать весть — ей можно доверять.

Се Линъи сжала пальцы, пряча подвеску, сохранившую тепло бабушкиных рук.

Гу Чживей пристально посмотрела на неё:

— Цзяоцзяо, путь в столицу не будет гладким. Если столкнешься с трудностями, не поддавайся панике. Либо обратись к дедушке У, либо передай срочное письмо через Иньфанчжай. Максимум через пять дней оно будет у меня на горе Юньшань.

Се Линъи кивнула:

— Каждое ваше слово, бабушка, я сохраню в сердце.

— Добрая моя девочка.

Гу Чживей смягчилась и нежно обняла внучку. Се Линъи стала выше неё, и хотя её плечи все еще казались хрупкими, в них уже чувствовалась стойкость молодого бамбука.

— Бабушка не ждет от тебя ослепительной карьеры, я лишь хочу, чтобы ты была в

безопасности и всё у тебя складывалось хорошо, — её голос звучал нежно и твердо. — Поступай так, чтобы, глядя на небо, не испытывать стыда, а заглянув в свое сердце — не чувствовать угрызений совести. Этого будет достаточно.

Се Линъи уткнулась лицом в плечо бабушки, глубоко вдыхая. От неё пахло сандалом и едва уловимыми лекарственными травами — так пахло от бабушки всегда, ведь она годами собственноручно готовила отвары, чтобы поправить здоровье внучки. Этот запах сопровождал её с десяти лет, с тех пор как её привезли на Юньшань. Он был с ней в каждую бессонную ночь, во время болезней, радостей и слез, укрывая её, словно невидимый кокон, защищая от тревог и страхов.

Наконец Гу Чживей отстранилась и поднялась:

— Время вышло, пора в путь.

Цин Юй и Лю Юнь закончили проверку экипажа и ловко запрыгнули на козлы. Байчжи первой вошла в карету, чтобы разместить аптечку, а затем обернулась, чтобы помочь Се Линъи подняться.

Бабушка, опираясь на сделанную внучкой трость из самшита, дошла до ворот с вывеской Семья Гу из Цзянцзо. Утренний свет вытянул её тень, сделав фигуру у широких ворот усадьбы совсем тонкой и одинокой.

Сердце Се Линъи болезненно сжалось, и она поспешно скрылась внутри кареты.

Это была обычная повозка с черным тентом — снаружи простая, но внутри обустроенная с величайшим комфортом. Просторный салон был застелен толстыми коврами, внутри стояли маленький столик, книжные полки и даже закрепленная в углу жаровня — Гу Чживей настояла на этом, боясь, что осенью в дороге будет холодно.

Карета медленно двинулась вниз по горной дороге. Се Линъи, сидя у окна, листала Гуй Гу-цзы. Между страниц выпал засушенный цветок камелии — бабушка вложила его туда в прошлом году, когда учила её делать благовония. Этот цветок заставил её обернуться назад.

Десять лет назад, на следующий день после трагедии в резиденции Великой принцессы Хуаян, у неё был сильный жар. В бреду она чувствовала, как кто-то берет её на руки, сажает в карету, и они едут очень, очень долго. Когда она очнулась, то уже лежала в теплых одеялах в усадьбе на горе Юньшань.

По приезде она постоянно требовала вернуться в столицу. Она не верила, что её тетушка, которая так любила смеяться и тайком водила её на Западный рынок смотреть на акробатов, могла участвовать в заговоре. Не верила, что та самая нежная принцесса, приносявшая ей сахарные фигурки из дворца, могла замысливать зло против престола.

Она плакала, бунтовала, объявляла голодовку. Бабушка никогда не ругала её, лишь молча сидела рядом, раз за разом вытирая слезы и принося к кровати теплую кашу.

В карете тихонько потрескивал уголь, разливалось тепло. Се Линъи закрыла книгу и прикрыла глаза, загоня нахлынувшие чувства глубоко внутрь.

Утренний туман окончательно рассеялся. У ворот усадьбы Гу Чживей всё еще стояла на месте.

— Госпожа, на улице прохладно, возвращайтесь в дом, — тихо проговорил дядя У. Он когда-то был старым солдатом на границе, а после ранения уже более двадцати лет управлял этой усадьбой.

Гу Чживей не шелохнулась, продолжая смотреть вдаль.

Дядя У нахмурился:

— Госпожа, вы боитесь, что юная госпожа не отпустила прошлое? Если она начнет расследование, вернувшись в столицу, как нам сберечь её?

— Она обязательно будет искать ответы, — голос Гу Чживей был спокоен. — Уговоры не помогут. Все эти годы, помимо музыки, шахмат и каллиграфии, я учила её искусству политики и экономике. Этого достаточно, чтобы она твердо стояла на ногах в Шанцзине, и в этом мой долг как бабушки. Но я всего лишь её бабушка, разве могу я принуждать её остаться здесь навсегда, используя долг воспитания?

Она облегченно улыбнулась. В этой улыбке была гордость, печаль расставания и пронизательность человека, познавшего жизнь:

— К тому же, разве ребенок, воспитанный Гу Чживей, может всю жизнь прятаться в глуши? Она должна вернуться, она должна стоять высоко в храме власти.

— Госпоже не стоит так беспокоиться о том, что юная госпожа погрязнет в старых обидах, — мягко сказал дядя У. — В недавнем деле в Ланьяне она проявила себя очень рассудительно.

Дядя У посмотрел на профиль своей госпожи. Она постарела — морщинки у глаз, седина в волосах, всё говорило о беге времени. Но её глаза по-прежнему сияли, спина была прямой. Стоя там, она сохраняла достоинство, которое невозможно было не заметить, а солнце, падая на её лицо, золотило каждую тонкую морщинку.

— Но почему бы вам не рассказать ей правду о тех событиях? — не выдержал дядя У. — Вы ведь знаете...

— То, что знаю я, не обязательно является истиной, — перебила его Гу Чживей. — Когда мы в спешке увозили Цзяоцзяо на Юньшань, о событиях в Циньнани мы могли лишь строить догадки. Это была та правда, которую видели мы. Но у тех, кто был в самом центре событий, правда могла быть совсем иной.

Она развернулась и вместе с дядей У медленно направилась к усадьбе.

— Возможно, то, что ищет Цзяоцзяо, вовсе не та правда, — голос Гу Чживей растаял в утреннем ветре, легкий и нежный. — А её собственный ответ.

Дядя У последовал за ней, больше не проронив ни слова.

Вдали карета уже выехала на большую дорогу, направляясь на север, к столице.

Путь предстоял долгий, сквозь высокие горы и полноводные реки.

А гора Юньшань оставалась позади, постепенно растворяясь в утреннем свете, тихая, словно древний сон.

<http://bllate.org/book/19397/1899333>